

ИВАЗОВА Сатаней Юрьевна

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
г. Нальчик, Россия
baron4ik5@mail.ru

Satanei Yu. IVAZOVA

Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches
Nalchik, Russia
baron4ik5@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ НА ОБЫЧНОЕ ПРАВО
КАБАРДИНЦЕВ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.**

**INFLUENCE OF RUSSIAN RESETTLEMENT
POLICY ON KABARDIAN COMMON LAW AT
THE END OF THE XIX-TH – THE BEGINNING
OF THE XX-TH CENTURIES**

Статья посвящена влиянию переселенческой политики России на обычное право кабардинцев на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX в. История миграций на Кавказе - это сложный комплексный процесс, который формировался под влиянием военно-политических, социально-экономических, национально-культурных, конфессиональных и иных причин, действовавших изолированно или в различном сочетании. Поэтому изучение истории переселенческой политики имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Из вышеизложенного следует, что его результаты необходимы для проведения научно обоснованной национальной политики. Только таким образом можно выявить существенное влияние на демографические процессы и преемственность населения и его культуры с конца XVIII до первой половины XIX в.

На протяжении XIX - начала XX в. на Кавказе происходили широкомасштабные миграционные процессы, массовые переселения некоренного инородного населения как из-за рубежа, так и из внутренних губерний Российской империи. Миграционные процессы на Кавказе носили, прежде всего, целенаправленный характер - как принудительный, так и добровольный - в рамках переселенческой политики царизма. С другой стороны, здесь имели место и стихийные миграции, происходившие во второй половине XIX в. в связи с экономическим развитием, промышленным ростом края. Отношения, регулируемые как институтами обычного права кабардинцев, так и российским законодательством в период переселенческой политики России на Северном Кавказе, а именно в Кабарде, являются объектом исследования в данной работе. Этот процесс способствовал появлению новых общин, а следовательно, взаимному симбиозу народностей, выразившемуся в появлении ряда общих особенностей, как в быту, так и в обычном праве.

The article is devoted to a role of the Russian resettlement policy on Kabardian common law in the North Caucasus at the end of XIX – beginning of the XX centuries. The history of migrations in the Caucasus is a difficult complex process which was created under the influence of the military-political, social and economic, national and cultural, confessional and other reasons operating separately or in various combinations. Therefore studying of history of resettlement policy has not only theoretical, but also important practical value. There are follows from the above that its results are necessary for carrying out scientifically national policy. Only thus it is possible to reveal, significant effect on demographic processes and succession of the population and its culture since from the end of the XVIII century to the first half of the XIX century. Over XIX - the beginnings of the XX centuries in the Caucasus happened large-scale migratory processes, mass resettlements of not aboriginal alien aboriginal population as from abroad, and from internal provinces of the Russian Empire. Migratory processes in the Caucasus had, first of all, purposeful character - both forced and voluntary - within resettlement policy of a tsarism. On the other hand, also the spontaneous migrations happening in the second half of the XIX century in connection with economic development, industrial growth of edge took place here. The relations regulated both by institutes of Kabardian common law, and the Russian legislation in the period of resettlement policy of Russia in the North Caucasus namely in Kabarda, are a research object in this work. This process promoted emergence of new communities and consequently to mutual symbiosis of nationalities, expressed in emergence I am glad general features, both in life, and in common law.

Ключевые слова: обычное право, этнические группы, миграция, сословия, Кабарда, царизм, переселенческая политика и т.д.

Keywords: common law, ethnic groups, migration, estates, Kabarda, tsarism, resettlement policy

В осуществление переселенческой политики российского царизма был вовлечен широкий круг политических сил, социальных и этнических групп. Однако общим принципом и главной задачей, стратегией колонизационной политики царизма было укрепление русского присутствия в регионе, прочная привязка Кавказа к России. Во главе угла царской переселенческой политики стояло политическое и экономическое подчинение Кавказа, как новозавоеванного и непокорного региона. Основной целью колонизации являлось создание прочной этносоциальной опоры путем поселения среди массы местного населения групп инородного, пришлого населения и тем самым установление идеологического контроля и хозяйственное освоение края, а также обустройство малоземельных и безземельных крестьян из центральных губерний Российской империи [4, с. 98].

Следует отметить, что до конца XVIII в. численность кабардинского населения отличалась относительной стабильностью. Несмотря на постоянное сокращение численности населения от набегов крымских татар, феодальных междоусобиц, нескольких крупных эпидемий и случавшихся неурожайных и, следовательно, «голодных» годов,

достаточно высокая плотность населения, сравнительно благоприятная среда обитания и здоровый образ жизни обеспечивали стабильное воспроизводство населения с едва заметным ростом его численности, что было естественным для традиционных феодальных обществ. Невосполнение убыли населения начинается с конца XVIII в., когда адыгская общность подверглась колониальной экспансии российского самодержавия и пережила невиданную прежде эпидемию чумы.

На протяжении всего периода XVIII в. численность кабардинцев находилась в пределах 350-500 тыс. человек - вывод, который сделан на основе различных источников целым рядом историков: Е.Дж. Налоевой, В.Н. Сокуровым, К.Ф. Дзамиховым, Б.Х. Бгажноковым и др. Что же касается численности Западной Черкесии, то она к этому времени была в 3-4 раза больше, с учетом высокой плотности населения и потенциальной способности выставить по наиболее реальным оценкам от 100 до 200 тыс. воинов. В дальнейшем, в связи с давлением Крыма, Турции, затем России демографическая ситуация в Черкесии существенно меняется. В 30-40-х годах XIX в. исчезают остатки жанеевцев, хегаков, хетуков. В десять раз сокращается численность кабардинцев, в 5-6 раз - численность темиргойцев, хатукайцев, бжедугов, бесленейцев, махошей. Общая численность аристократических адыгских субэтносов, составлявшая во времена Эвлия Челеби более 1 млн человек, в середине XIX в. едва достигала 200 тыс. В то же время быстрыми темпами росла численность «демократических» адыгских народностей, наиболее удаленных от Кавказской линии и менее подверженных опустошительным набегам русских войск. В 30-х годах XIX столетия их было свыше 1,5 млн человек, если принять во внимание данные о черкесском населении в 1,7 млн в 1830 г. По словам Н. Дьячкова-Тарасова, эти данные были собраны по распоряжению наместника на Кавказе И.Ф. Паскевича и, видимо, тщательно скрывались (так же, как и данные Г.В. Новицкого 1830 г.) от высшего командования на Кавказской линии [1, с. 6].

Для административно-территориального подчинения Кабарды большая роль отводилась различным этническим группам, переселяемым на ее территорию. Так, новым этапом массовых переселений русского населения на территорию Кабарды стало открытие в 1875 г. Владикавказской железной дороги. Это способствовало увеличению и изменению социального состава переселенцев: уменьшение транспортных расходов и времени пребывания в пути позволяло и безлошадным беднякам отважиться на переселение.

Бесспорно, одним из факторов притока переселенцев в Кабарду стала и массовая продажа кабардинских частных землевладений, что было характерным явлением в конце XIX - начале XX в. Их привлекала также низкая арендная плата за землю. Так, в 1885 г. крестьяне из Харьковской губернии в количестве 33 семейств (219 человек) купили земельный участок в 379 десятин и образовали селение Ново-Константиновское. 40 семей украинских крестьян из села Радионовка Харульского уезда Полтавской губернии купили землю (532 десятины) у кабардинского землевладельца Т. Альтудокова и основали в 1886 г. село Ново-Полтавку и т.д. Наряду с селениями и поселками в 80-х годах XIX в. русские переселенцы основали и многочисленные хутора. К примеру, переселенцы Березенской волости Черниговской губернии в количестве 20 семей арендовали у землевладельцев Иналова и Тамбиева 100 десятин земли и в 1883 г. основали хутор Черниговское. Крестьяне из Полтавской и Харьковской губерний в 1895 г. образовали хутор Ново-Троицкий (Алиевский). В 1896 г. десять семей из Курской губернии образовали хутор Ново-Курский, купив землю у Абукова. В общей сложности в 80-х годах XIX в. в Нальчикский округ переселилось более 1 000 семейств, составляющих более 5,5 тыс. человек [2, с. 196].

Русские переселенцы арендовали и покупали земли также и у казачьих офицеров, получавших землю в Кабарде в течение всего пореформенного периода. До 80-х годов XIX в. царским офицерам было выделено в одной только Малой Кабарде: генералу Туманову - 1 500 десятин, полковнику Эристову 700, полковнику Гроссману - 70, полковнику Циклаурову - 450, подполковнику Голубову - 370, сотнику Кулешу - 150 десятин. Кроме того, было отдано «отличившимся» в Кавказской войне казачьим офицерам 102 участка общей площадью в 27 547 десятин. Эти земли зачастую не обрабаты-

вались, и владельцы, проживая за пределами Кабарды, сдавали их в аренду или продавали через Крестьянский банк.

Так, в 1886 г. крестьяне разных уездов Полтавской губернии в количестве 26 семей (114 душ) переселились в Кабарду на земли, купленные у подполковника Владикавказского казачьего полка Цугулиева, и образовали поселок с одноименным названием (с 1889 г. - сел. Ново-Ивановское). Генерал Выборов, получивший землю после Кавказской войны, сам проживал в г. Владикавказе, а землями управлял его приказчик. В конце XIX в. он по примеру своего соседа Даутокова, продавшего землю крестьянам из Курской и Харьковской губерний, также продал земли переселенцам. Таким образом, образовались хутора Даутоковский (1895) и Выборовка, названные по именам бывших владельцев земли (в 1920 г. оба хутора объединились под названием Черная Речка). В 1906 г. рядом с так называемой экономией коннозаводчика Носовича образовался небольшой, в 5-6 дворов, хутор, который стал называться Дзугаевским, по имени поручика Дзугаева, сдавшего земли в аренду переселенцам из Полтавской, Курской и Саратовской губерний (ныне п. Октябрьский).

Переселенцы арендовали земли и у государства, объявившего часть кабардинских земель государственной собственностью. Так, 88 семейств переселенцев из Центральной России, получив у государства 1000 десятин земли, образовали в 1895 г. на месте бывшего Баксанского поста сел. Баксанское [2, с. 197].

При таком положении поземельной собственности в Большой Кабарде сделалось очевидным, что формальная отдача правительством в исключительную и потомственную собственность даже владельцам принадлежащих им участков была бы сопряжена с большими затруднениями и подобная мера в отношении Хату Анзорова вызвала бы недовольство во всех сословиях.

Из-за невозможности предоставления участка в Большой Кабарде Хату Анзорову предложили отмежевать участок в 12 тыс. десятин из Горькобалковской степи Ставропольской губернии. Однако Анзоров отказался от участка в Горькобалковской степи вследствие того, что она не приносила бы ему дохода. Хату Анзоров, будучи лишен на протяжении многих лет доходов от изъятой у него земли, вошел в значительные долги. Он надеялся на получение 5 тыс. руб. серебром, обещанных ему лично князем Воронцовым, взамен 7 тыс. руб. серебром, присужденных Коголкиным за земли, отторгнутые у него для Владикавказского полка.

Но генерал-адъютант князь Воронцов, предлагая отвести полковнику Анзорову в исключительное его владение 12 тыс. десятин из Горькобалковской степи, ничего не упоминал о денежном вознаграждении в 5 тыс. руб., которое прежде предполагалось назначить Анзорову вместе с предоставлением ему права пользоваться землей в месте его водворения на общественном праве.

Из представленных выше документов видно, что даже учитывая факт конфискации земель и лишения большей части дохода, материальное состояние семьи Хату Анзорова должно было оказаться достаточно благополучным, имея в виду тот факт, что он пользовался уважением в высших слоях царской администрации и длительное время служил российскому правительству. Однако после его смерти в 1856 г. обнаружилось, что материальное состояние семьи Хату Анзорова находилось в тяжелом положении. Согласно описи имения, составленной 30 мая 1856 г., имущество, оставленное Хату Анзоровым, было достаточно скромным относительно занимаемого им положения [5].

Переселению русских крестьян из центральных областей России на станичные земли способствовали принимаемые правительством законодательные акты. Так, по высочайше утвержденным 10 мая 1862 г. и 29 апреля 1868 г. решениям Государственного совета, «во всех без изъятия казачьих войсках русским подданным не войскового сословия» было предоставлено право покупать всякого рода строения, расположенные на войсковых, станичных и городских землях, не спрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества, а также покупать пустые земли под строения в городах и станицах, не причисляясь к казачьему сословию. Этот закон способствовал появлению в станицах переселенцев из Центральной России, так назы-

ваемых иногородних, которым предоставлялись некоторые льготы, но впоследствии они были урезаны. Сокращение льгот было связано в том числе и с тем, что казаки, сдавая свои земли в аренду иногородним, сами часто попадали к ним в кабалу и не имели возможности приобрести необходимое снаряжение для военной службы. По этой причине исполнение земской натуральной повинности (ремонт дорог, мостов и т.д.) возлагалось исключительно на иногородних.

Также не менее сложным положение иногородних было и в Нальчике. Первоначально все жители слободы, и старые служилые солдаты, и новоселы из разных областей России, пользовались земельными угодьями на равных правах. Но затем Терское областное правление «коренными жителями» признало 201 семью, купившую недвижимость до 1871 г., а остальные считались иногородними. Земельный надел получали коренные, а иногородние, не имея земельного надела, зачастую бедствовали. Таким же образом обстояло дело и в поселке, образованном на месте бывшего Баксанского поста. Там только коренные жители пользовались казенной землей. В то же время в селениях и хуторах, образованных переселенцами на купленных или арендованных землях, все было по-другому. Серьезных различий между коренными и иногородними здесь не было, так как и те и другие арендовали или покупали земли. Но, несмотря на эти трудности, переселенческое движение росло [3, с. 268].

В конце XIX - начале XX в., наряду с мерами правительства по увеличению переселенцев, наблюдаются и ограничения в переселении отдельных народов на Северный Кавказ. Так, по решению Государственного совета от 18 июня 1892 г., «евреям, приписанным к городским и сельским обществам Кубанской и Терской областей, а равно не приписанным к местным обществам», воспрещалось «водворение и постоянное жительство в сих областях по узаконенным видам: первым - вне мест их приписки, а последним - повсеместно». В 1890 г. евреям было запрещено проживать, даже временно, в казачьих поселениях и в границах войсковых земель. Поводом для этого послужила религиозная пропаганда, которая, по мнению начальства, разрушительно действовала на казачью общину. Только евреи, имеющие профессии аптекарских помощников, дантистов, фельдшеров, повивальных бабок и изучающие фармацевтику, фельдшерское и повивальное искусство, имели право на повсеместное проживание в империи, в том числе и на территории Кабарды. Так, в рапорте начальника Нальчикского округа в областное правление от 5 июня 1890 г. из евреев, имеющих профессии, дающие право на повсеместное проживание в империи, приводится только один провизор Нальчикской аптеки Аврам Матвеевич Слуцкий, который получил образование в Московском университете.

Но, несмотря на такие ограничения, в самом Нальчике проживало много «временно пребывающих евреев», то есть европейских евреев. В месяц в слободу Нальчик приезжало на заработки от одной до трех семей. Приехавшие имели паспорта и разрешение на проживание в слободе на один год или на летнее время, хотя встречались и лица без документов. По данным на 29 ноября 1866 г., в Нальчике проживало семь семейств европейских евреев, четыре из которых желали причислиться к обществу слободы. В сентябре 1890 г. здесь уже проживало 23 семейства, «приписанных в разных местах Российской империи». Некоторые евреи нелегально проживали на протяжении 15 лет, занимались в основном ремеслами и торговлей. Временно проживающие в слободе Нальчик приезжали из центральных областей России и других округов Терской области. Таких кавказская администрация пыталась вернуть на прежние места проживания и постоянно требовала от начальника округа списки нелегально проживающих, подлежащих высылке из округа.

Здесь необходимо отметить, что кавказское командование не делало больших различий между европейскими и горскими евреями, и ограничительные меры распространялись на тех и других. Только после многочисленных обращений последних в 1893 г. было принято решение не применять закон 18 июня 1892 г. по отношению к ним.

Таким образом, горские евреи были уравниены в правах на выбор места проживания с остальными горцами, что, видимо, впоследствии благоприятствовало росту горско-еврейского населения на территории Кабарды. Если до 1894 г. их численность со-

кращалась и составляла 1 016 человек, то к 1899 г. возросла, по одним данным - до 112 459, по другим - до 1 130 человек. После административных реформ 1888 г. все казачьи станицы Кабарды оказались в Сунженском и Пятигорском отделах Терской области. Общая численность населения в них в 1889 г. составляла 13 620 человек, в том числе: 3 688 жителей в Прохладной, 3 010 - в Екатериноградской, 2 306 - в Солдатской, 1 415 - в Пришибской, 1 094 - в Александровской, 1 063 - в Приближенной и 1 044 - в Котляревской [2, с. 194].

Однако в конце XIX в. количество русского населения на Северном Кавказе, в том числе и Кабарде, было признано Российским правительством недостаточным, а «преобладание исключительно инородческого и частью даже малоблагонадежного населения... ненормальным». В связи с этим последовало высочайшее указание министру внутренних дел «на необходимость скорейшего разрешения вопроса об усилении русского элемента на Кавказе», что в конечном итоге привело к значительному увеличению числа переселенцев.

К концу 1889 г. в Нальчикском округе русскими переселенцами из различных губерний Центральной России уже было образовано три поселка (Ново-Полтавский - 51 двор, Ново-Ивановский - 112 дворов, Баксанский - 29 дворов) и 27 хуторов. Всего русских (включая и украинцев) в округе проживало 5 361 человек. Росло русское население и в самом крупном населенном пункте округа - Нальчике. В 1864 г. в нем проживало 608, а в 1889 г. - уже 2 503 русских. Таким образом, в 1889 г. в границах современной Кабардино-Балкарии проживало более 20 тыс. русских [7, с. 164].

В 90-х годах XIX в. появилось много новых населенных пунктов, а существовавшие разрастались. В этот период образовались хутора Грабовец, Петропавловский, Атажукинский, Курский, Комаровский, Ново-Покровский, Ново-Троицкий (Алиевский) и др. Только на реке Куркужин в 1897 г. было одно село (Ново-Константиновское) и 8 поселков: Коновский, Наурузовский, Ново-Андреевский, Ново-Николаевский, Полтавский, Тяжговский, Ново-Богословский и Расторгуевский. По данным на 1896 г., в Нальчикском округе, без слободы Нальчик, насчитывалось 3 села, 17 поселков и свыше 30 хуторов с русским населением [3, с. 269].

Бесспорно, важным источником для изучения процесса формирования многонационального населения в Кабарде являются материалы переписи 1897 г. Кроме всего прочего, они также позволяют установить точное количество именно русских, украинцев и белорусов, не отождествляя всех переселяющихся восточных славян с «русскими переселенцами». По итогам переписи, в Нальчикском округе проживало 4 811 русских, 4 745 украинцев и 16 белорусов, причем значительное количество русских было сосредоточено в Нальчике, а украинцев - в селах и хуторах.

В конце XIX в. переселенцы, в основном русские, появляются в кабардинских и балкарских селениях. Так, в кабардинских селах насчитывалось 229 человек православного вероисповедания, а в балкарских - 72. Можно предположить, что не все они были русскими, но, по крайней мере, большая часть, видимо, все же состояла из славян.

В Малой Кабарде и в станицах в 1897 г. проживало около 20 тыс., а вместе с Большой - до 30 тыс. русских и украинцев. Главным образом за счет новых переселений в начале XX в. численность русского населения продолжает расти. В 1900 г. в Нальчикском округе числился 11 381 русский, в том числе в кабардинских селах уже 496, а в балкарских - 10. В том же году из других губерний в округ прибыло 863 человека. В слободе Нальчик русские составляли 69% (3 337 чел.) всего населения [3, с. 270].

В конце XIX - начале XX в. на территории Кабарды появляется несколько новых немецких поселений. На «Высочайше дарованном» участке земли, принадлежавшей бывшему начальнику Терской области генерал-лейтенанту Смекалову, в 1881 г. была образована колония Гнаденбург.

На землях князей Магомета и Пшемахо Атажукиных в 1884 г. образовалась другая колония из 22 семейств немцев, которые арендовали земли. Колония была названа Куркужино-Атажукинской. Жители Малокановского, основанного, по одним данным, в

1888, по другим - в 1864 г., были выходцами из немецкой колонии Каново (ныне в Ставропольском крае). В отличие от Каново, крупного населенного пункта, хутор (несколько семей немцев) был назван Малое Каново, или Малокановское. До 1917 г. хутор административно относился к колонии Каново [7, с. 168].

Таким образом, к концу XIX в. в Кабарде существовало четыре немецких поселения: это Александровская немецкая колония, колонии Гнаденбург, Куркужино-Атажукинская и Малокановская, а общее количество немцев, проживавших в Нальчикском округе, составляло 1 404 человека.

В 1902 г. в Нальчикском округе насчитывалось 46 русских населенных пунктов, в которых проживало 14 661 человек, а к 1912 г. на покупных землях было образовано 76 русских хуторов и поселков с населением около 19,5 тыс. человек [4, с. 98].

В начале XX в. появляются еще два немецких поселения. В 1908 г. переселенцы, купив земельный участок у Василия Калмыкова, который, в свою очередь, купил землю у дворян Абаевых, поселились отдельной колонией. Поселяне дали ей название Гофнунсфельд. Начиная с 1909 г. в документах встречается расположенная в 1-м участке Нальчикского округа колония Эбен-Эцер, жители которой, купив земли у князя Иналова, переселились из колонии Эллаус и поселились близ селения Иналова.

Немецкое население Кабарды конца XIX - начала XX в., кроме переселившихся потомков первых иммигрантов, имевших российское гражданство, было представлено и подданными Германии и Австро-Венгрии. Часть из них сохраняли иностранное подданство в течение всей жизни, а многие получали российское подданство. В 1910 г. численность немцев в Кабарде составляла 2 171 человек. Так, в самой слободе Нальчик было 52 немца, в хуторах селения Ахлово - 480 и т.д. В немецких колониях проживало небольшое число русских, чаще всего не имеющих оседлости. К примеру, в Александровской колонии насчитывалось 1 356 коренных жителей и 31 иногородний, из которых 20 были немцами, а 11 - русскими, в колонии Гнаденбург - 595 немцев и 21 русский и т.д.

К началу Первой мировой войны в станицах, по-прежнему остававшихся за пределами Нальчикского округа, проживало около 34 тыс., а общая численность восточнославянского населения на территории современной Кабардино-Балкарии приблизилась к 54 тыс. человек. В 1908 г. численность горских евреев Кабарды составляла 1 307 человек, а через два года - 1 418 человек [4, с. 99].

Следствием всего этого стало то, что в конце XIX - начале XX в. в Кабарде наблюдается новое явление в миграционных процессах. Многие малоземельные крестьяне, в том числе русские и немцы, бросали свои хозяйства и уходили в поисках лучшей доли в города, губернии России, уезжали в Америку. Иногда в Америку уезжали большими группами и целыми семьями. В конце XIX в. 49 семейств колонии Александровской изъявили желание переселиться в Америку. В 1903 г. газета «Терские ведомости» писала о переселенческом движении жителей колонии Александровской: «...в настоящее время идет брожение умов... Несмотря ни на какие разубеждения со стороны возвратившихся сюда из Америки... с пустыми карманами и разбитыми надеждами, колонисты усердно подбивают друг друга к переселению». Царская администрация не была заинтересована в уменьшении числа колонистов, в особенности русских, и ухода их с Кавказа. По этой причине вводились различные ограничения в миграционном законодательстве [6, с. 196].

Отметим также, что в начале XX в. в российском обществе распространяются антинемецкие настроения, связанные с ухудшением российско-германских отношений, что проявляется в первую очередь в принятии различного рода запретительных и ограничительных законодательных актов в их отношении. Правительством России после начала Первой мировой войны было принято решение о переименовании немецких поселений по всей империи. В циркуляре министра внутренних дел от 15 октября 1914 г. говорится, что «ввиду войны России с Германией и Австрией, я нахожу своевременным поставить на очередь вопрос о переименовании тех селений и волостей, кои носят немецкие названия, с присвоением им наименований русских...» [8, с. 282].

Александровская колония сохранила свое название. Колония Гнаденбург была переименована в селение Смекаловское, по имени бывшего владельца земли генерал-

лейтенанта Смекалова. Эбен-Эцер к 1915 г. переименовали в Алексеевскую, а затем в немецкий поселок Иналова, также по имени бывших владельцев участка князей Иналовых. Колония Гофнунсфельд, также ввиду того, что земля, на которой располагалось поселение, принадлежала Абаевым, была переименована в немецкий поселок Абаевский [3, с. 272].

Из изложенного выше отметим, что, таким образом, во второй половине XIX - начале XX в. Кабарда стала ареной активных миграционных движений, приведших к формированию многонационального населения.

Переселения носили как вынужденный, так и добровольный характер. Среди переселенцев были и неугодные царизму группы крестьян-сектантов, и безземельные крестьяне, и ссыльные, а также переселившиеся на Кавказ в ходе экономического развития группы населения различного этнического и сословного происхождения. Волны миграционных процессов на протяжении XIX в. привели к появлению и постепенному увеличению количества групп европейских народов. В частности, к началу XX в. на Кавказе увеличилось количество представителей славянских народов - в первую очередь русских, украинцев, белорусов, а также поляков, чехов, болгар. Среди наиболее крупных европейских этнических общин Кавказа было представлено немецкое, греческое население. В сравнительно небольшом количестве в этнодемографической структуре Кавказа были представлены молдаване, эстонцы, латыши, литовцы, финны, французы, итальянцы, шведы и др. Представители европейских этнических общин различались по причинам, времени и ходу их переселения, местам расселения в городах и сельской местности, хозяйственным занятиям, количественным показателям и сословной принадлежности.

Итак, к началу XX в. в регионе наряду с коренными народами проживали представители более чем 20 национальностей, чья основная область расселения находилась за пределами Кавказа. Бесспорно, происходящие в XIX - начале XX в. миграционные процессы оказали непосредственное влияние на изменение этнодемографической структуры Кавказа, в этнической палитре которого появились и формировались новые этнические общины, оставившие свой след в истории региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. - М.: ОГИ, 2005.
2. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX века. - М.: Наука, 1974.
3. История многовекового содружества: К 450-летию союза единения народов Кабардино-Балкарии и России. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007.
4. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. - СПб., 1996.
5. Кешева З.М. Анзоровы в контексте переселенческой политики России на Кавказе в 30-50-х гг. XIX в. Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. - 2014. - № 3 (22). - С. 12-22.
6. Омельченко И.А. Терское казачество. - Владикавказ, 1991.
7. Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. - Нальчик: Эль-Фа, 2000.
8. Цораев М.М. О помещичьем землевладении в Кабарде в конце XIX - нач. XX в. // Ученые записки КБНИИ. Т.23. - Нальчик, 1965.

REFERENCES

1. Belozеров V.S. Ethnic map of the North Caucasus. [Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza]. M.: OGI, 2005. 6 p.
2. Volkova N.G. Ethnic structure of the population of the North Caucasus in XVIII - the beginning of the 20th century. [Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII - nachale XX]. M.: Science, 1974. Pp. 194-197.
3. History of the centuries-old commonwealth: To the 450 anniversary of the union of a unification of the people of Kabardino-Balkaria and Russia. [Istoriya mnogovekovogo sodryjestva: K 450-letiu souza edi-

- neniya narodov Kabardino-Balkarii I Rossii]. Nalchik: M. and V. Kotlyarov's publishing house, 2007. Pp. 268-269, 270, 272.
4. Kabuzan V.M. The population of the North Caucasus in the 19-20th centuries. [Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX-XX vekah]. Ethnostatistical research. SPb, 1996. Pp. 98-99.
 5. Kesheva Z.M. Anzorova in a context of resettlement policy of Russia in the Caucasus in 30-50-X of the 19th century. [Anzorova v kontekste pereselnicheskoi politiki Rossii na Kavkaze v 30-50-h godah 19-uj veka]. Bulletin of Institute of humanitarian researches of the Government of Kabardino-Balkar Republic and Kabardino-Balkarian Scientific center of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 3 (22). Pp. 20-21.
 6. Omelchenko I.A. Terskoye Cossacks. [Terskoe kazachestvo]. Vladikavkaz, 1991. 196 p.
 7. Tkhamokova I.H. Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria. [Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-balkarii]. Nalchik: Publishing center "El-Fa", 2000. Pp. 164, 168.
 8. Tsorayev M.M. About landowner land tenure in Kabarda at the end of XIX - the head of the XX-th centuries. [O pomeshichem zemlevladienii v Kabarde XIX - nachale XX vekov]. Scientific notes of KBNII. T.23. Nalchik, 1965. 282 p.

Информация об авторе:

Ивазова Сатаней Юрьевна, аспирант, кафедра отечественной истории и этнологии, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик, Россия
baron4ik5@mail.ru

Получена: 08.11.2016

Для цитирования: Ивазова С. Ю., Влияние переселенческой политики России на обычное право кабардинцев в конце XIX начале XX вв. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 2. Часть 1. с. 37-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-37-44.

Information about the author:

Satanei Yu. Ivazova, Postgraduate Student, Department of National History and Ethnology, Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches, Nalchik, Russia
baron4ik5@mail.ru

Received: 08.11.2016

For citation: Ivazova S.Y., Influence of Russian resettlement policy on kabardian common law at the end of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and Social Educational Idea*. 2017. Vol . 9. no.2. Part. 1. Pp. 37-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-37-44. (in Russian)